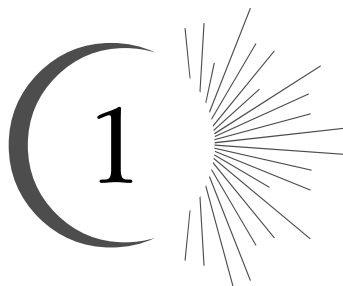

Давным-давно жила-была бабушка, которая любила своих внуков больше всего на свете. Когда они были маленькими, она рассказывала им сказки перед сном. Бабушка плела красивые истории о чудесах и приключениях, которые так нравились детям. Они замирали, страшась опасностей, от которых бабушка была готова защитить их.

Одной из ее внучек нравилась история о волчице, которая скрывалась в лесу, поджидая детей, что ушли слишком далеко от дома. Бабушка описала волчицу очень ярко и устрашающе: с мехом темным, как ночь, огненными глазами и зубами, с которых капала кровь. Возможно, бабушка только хотела предупредить свою внучку, чтобы та не уходила слишком далеко от дома, но девочке было все равно на поучительность рассказа.

Она предпочитала представлять себя волчицей.

Этой внучкой была я. И эта книга посвящена Бетти Сетлифф, моей бабушке — блестящей женщине, которая так живо рассказывала истории, что я поверила в них, и которая поощряла мое желание писать собственные сказки. Это история моей волчицы.

Подобно резкому запаху слишком щедро нанесенного парфюма, огорчение Зарины проникло в мою комнату раньше ее. Я никогда не видела, чтобы моя старшая сестра выходила за рамки суровости и уравновешенности, которые она отточила до совершенства и которым я всегда завидовала. Но по мере того, как она приближалась, маска невозмутимости сползала с ее лица. К тому времени, когда Зарина поравнялась со мной, ее самообладание совсем иссякло.

Шлепанье подошв ее сандалий по каменному полу было единственным звуком в устрашающе пустом Доме Солнца. Все слуги покинули свои посты, чтобы посмотреть, как Нур займет законное место на вершине храма своей матери.

Плиссированное золотое платье Зарины было сшито в тон церемониальному килту отца. Ее волосы были гладко зачесаны и завязаны на затылке. Наше Зарины сверкало богато украшенное красное, в оттенках засохшей и свежей крови, ожерелье, которое ниспадало на выпуклости ее груди.

Ее оскорбленный вид заставил меня задуматься — чувствовала ли она себя, будто ее ударили ножом в спину, или все же полагала, что Нур вонзила кинжал прямо ей в сердце.

В любом случае, у меня не было времени разбираться в причинах ее гнева. Я собиралась уйти до того, как Нур успеет приказать кому-нибудь заставить меня остаться. Кому-нибудь... или одной конкретной дворняге. Я не хотела снова оказаться запертой в комнате. Я исчезну прежде, чем они об этом узнают, и на этот раз я не оставлю следов, которые мог бы учуять Берон.

Я проигнорировала старшую сестру и продолжила рыться в своих вещах, вытаскивая самое необходимое и то, что можно было продать. Я сложила несколько золотых украшений на кровать, затем повернулась, чтобы взять остальные из комода, который как раз и был предназначен для хранения моих ярких безделушек. Подставка на нем, где обычно красовался мой ореол, была пуста. Я оставила этот знак отличия, как и свое прошлое, в Люмине. Хотя менять свою жизнь было страшно, я понимала, что приняла правильное решение.

Я доверилась своей младшей сестре — которая, честно говоря, никогда не должна была давать мне второй шанс — и восстала вместе с ней против нашего, деспотичного отца. Правосудие было долгожданным, хотя и пугающим.

Теперь отец мертв. Я задумалась, унесли ли жрецы его тело в песок, где сгниет каждый дюйм его плоти. Где он никогда не достигнет загробной жиз-

ни, а пустыня и падальщики будут поедать его труп, пока не останутся одни кости. Я улыбнулась. В конце концов, песок заберет даже их.

— Предательница, — процедила Зарина сквозь зубы, остановившись на расстоянии вытянутой руки. Резкие нотки в ее голосе заставили меня замереть. Старшая сестра сжала кулаки.

Я прищурилась. Она пришла сюда, чтобы драться? Медленно и осторожно я сообщила ей:

— Несправедливо называть меня так.

— Нур *не* наследница Сол, — сказала Зарина так решительно, что я задумалась, как она вообще может в подобное верить.

— Ты же видела ее. Значит, понимаешь, что именно ей предназначено было стать новым Атоном. На вершине храма свет Сол сочился из Нур. Не было никаких сомнений в том, что она — дочь богини солнца.

Ни кожа, ни даже сама душа предыдущих Атонов не светились. К тому же у Нур была золотая солнечная корона, освещающая ее лоб еще долго, после того как она убила нашего отца. Я могла видеть ее издалека, когда убегала.

Когда она обрела свои силы, наследство Сол иногда просачивалось в ее глаза, заставляя их светиться теплым золотистым светом. Но Зарина не отправилась с нами в сумеречные земли, и в Люмину тоже. Она не видела, как Нур превращалась в ту, кем ей было предназначено стать.

Однако Зарина видела некоторые вещи задолго до того, как Нур преобразилась. Наша младшая сестра была одарена солнечными бриллиантами, такими горячими, что только она могла носить

их, — опять же, из-за своего происхождения. Из-за ее матери — богини солнца и золота.

Наш отец с самого рождения внушал Зарине, что доверять можно только ему. Возможно, из-за его ядовитых поучений она усомнилась в собственной сознательности. Он все время обещал Зарине, что именно она сменил его на посту Атона. Он сказал, что Сол прислушается, когда он порекомендует свою старшую дочь. Что он обойдет меня и Нур стороной.

Он солгал.

Он с самого начала знал, кем была Нур.

И, как и любая другая ложь, которую он производил, эта привела к боли и страданиям. На этот раз переживания свалились на мою старшую сестру, которой были непривычны такие чувства. Отец не нянчился с ней. Он ясно дал понять, какой ей следует стать, если она действительно хочет получить его рекомендации. В результате Зарина боролась, менялась и втискивала себя в рамки, которые он обозначил. Она избавлялась от тех частей себя, которые отец посчитал ненужными, чтобы заслужить его благосклонность, его похвалу и фальшивую доброту.

Разве все мы, его дочери, не делали то же самое тысячу раз?

Зарина обвиняюще указала на меня дрожащим пальцем.

— Отец рассказал мне, что вы сделали. Я не могу этого допустить. Я не могу позволить ей стать Атоном и украсть королевство.

Я склонила голову набок.

— Это королевство никогда не было твоим. — По правде говоря, оно и отцу-то никогда не принад-

лежало. Он только присматривал за ним, пока Нур не достигла совершеннолетия и ее тело не стало достаточно зрелым, чтобы вместить силу, доставшуюся ей от матери. — Отец был лжецом. Манипулятором. Не знаю, что он тебе сказал, но будь уверена, это неправда.

Довольно длительное время Зарина, казалось, молча взвешивала мои слова.

— Он сказал, что в Люмине вы не только убедили Люмоса помочь вам, но и заключили сделку с кем-то более страшным. С самим Анубисом. — Она прошипела «с», растягивая это имя, пока оно не превратилось в шепот. Она сделала шаг вперед, как будто мы делились друг с другом секретами. Теперь Зарина была так близко, что ей не составило труда наклониться и прижаться губами к моему уху. — Он сказал, что вы освободили его из подземной тюрьмы. Это его мы видели на ступенях храма, верно? Можешь сказать мне правду, Ситали. Тебе не нужно бояться ее или Анубиса.

По моей спине пробежала дрожь. Я толкнула Зарину в плечо, отчего та слегка отодвинулась.

— Не произноси его имени в Доме Солнца. Даже не говори о нем в этом королевстве!

Никто не произносил имя изгнанного бога мертвых без последствий. Когда Скульптор запечатал его в огненной тюрьме под землей, чтобы наказать за попытку убить Люмоса и Сол, было запрещено даже упоминать его имя. История Анубиса служила предупреждением для всех нас; быть осторожным с любой темной магией, которая может вырваться из глубин и извергнуться, как лава, на сушу. Если кто-то осмелится ее использовать, то его постигнет та же участь.

Любой, кто имел дело с изгнанным богом, навлек проклятие на себя и свою семью.

— Темный бог способен сделать что угодно с помощью своей магии. Он запросто мог помочь Нур выглядеть как наследница Сол. Он создает иллюзии, подобные песчаным бурям, — усмехнулась Зарина.

Она должна перестать говорить о нем. Я сделала глубокий вдох, надеясь, что старшая сестра поймет мой намек или хотя бы переведет разговор в более безопасное русло.

— Отец отчаянно пытался уцепиться за власть, Зарина. Он бы отрезал себе руки, лишь бы не дать Нур стать новым Атоном. Он солгал, пытаясь настроить тебя против всего, что сам ненавидел, — Сол и Нур.

Зарина махнула рукой в направлении храма.

— Тогда объясни появление шакала на крыше храма.

Этот разговор становился невыносимым.

— Это был не шакал, сестра, а Волк. Он — что-то вроде нашей великой Сфинкс в Люмине.

Она покачала головой.

— Отец сказал, что во тьме лунного королевства ты искала способ отобрать у него власть. Он предупреждал, что ты вернешься совсем другой. Очевидно, что темный бог исказил твой разум.

— Ты забыла, как отец прикрылся тобой, чтобы защитить себя? Или как он пытался убежать, оставив тебя одну стоять на вершине храма? — Я сплюнула. — Отец оставался трусом до последнего вздоха. Он — лжец и убийца. И ты это *знаешь*. Как ты можешь доверять его слову после всего, что случилось?

В глазах Зарины появился расчетливый блеск.

— Что сделала Нур в Люмине, чтобы так измениться, когда здесь, в Гелиосе, — королевстве солнца и самой Сол — ничего не поменялось?

— Нур просто достигла совершеннолетия, — устало объяснила я. — И если ты постарайся вспомнить, признаки ее перевоплощения появились еще задолго до этого. Подумай о солнечных бриллиантах, что она носит, Зарина.

Моя сестра просто покачала головой и невесело рассмеялась. Она откинула волосы назад, старательно приглаживая пряди. Обычно она делала так, когда не желала никого слушать.

— Даже Сфинкс сказала отцу, что Сол выберет своего наследника только когда Нур достигнет совершеннолетия. Зарина, богиня, просто ждала Нур. Наша сестра не сделала ничего необычного в Люмине, кроме разве что поисков короны лунного света. Хотя вскоре она обнаружила, кем является на самом деле, и реликвия Люмина стала ей не нужна. Она — наследница Сол.

Элегантная фигура Зарины выпрямилась.

— Когда-то я думала, что ты останешься со мной несмотря ни на что.

— Я не пытаюсь противостоять тебе, но я знаю правду и не смею идти против воли Сол. Отныне.

Взгляд Зарины остановился на небольшой кучке вещей, скопившихся на моей кровати.

— Ты уходишь? Если Нур такая замечательная и рассудительная, почему ты чувствуешь необходимость бежать из собственного дома?

— У меня нет причин оставаться.

Медленная, порочная улыбка появилась на ее губах. Мои кулаки сжались, так как она выглядела точь-в-точь как отец в тот момент, когда он собирался совершить очередное злодеяние.

— Я знаю, куда ты идешь. Отец рассказал мне о твоей великой тайне.

Как будто отец восстал из могилы: ее слова резали меня по груди, прямо над сердцем. Нет... Больше я этого не позволю. Никто больше не будет угрожать ему.

— Возможно, я должна навестить его. Представиться, — пригрозила Зарина с приторно-сладкой улыбкой.

— Приблизись к нему, и я убью тебя, — тихо поклялась я.

Она сунула руку в карман. Инстинктивно я сделала шаг назад. Старшая сестра вытащила что-то: обсидиановый кинжал с гравировкой вдоль лезвия. У меня не было времени прочитать ее, прежде чем она перешла к действию.

Зарина оскалила зубы.

— Грозишься убить меня, Ситали? Что, если я убью тебя первой?

С этими словами она сделала выпад, ударив меня в бок. Я втянула живот и отпрыгнула назад, едва избежав острого лезвия.

— Ты с ума сошла!

— Твой разум порабощен. — Она подчеркивала каждое слово очередным уколom, порезом, выпадом. — Ты попала в лапы Анубиса. Отец предупредил меня, что вы с Нур освободили его. Я чувствую, как он извивается внутри тебя. Чувствую запах его клейма на твоей коже.

Дикая, но проворная, Зарина разрежала воздух между нами. Лихорадка сделала ее глаза стеклянными, а кожу пепельной.

— Единственный, кто одержим, это ты — темным богом и нашим ужасным отцом! — Я схватилась за порезанное предплечье, втянув воздух, когда лезвие ее кинжала пронзило мою плоть. Крик вырвался из моего горла. — Ты порезала меня!

У меня не было времени оценить серьезность раны, потому что Зарина продолжала нападать. Обогнув маленький столик у стены, я выдвинула его между нами. Зарина толкнула препятствие, и стол, покачнувшись, рухнул на пол и развалился. Я схватила тонкую ножку и использовала ее, чтобы из последних сил отбиваться от сошедшей с ума сестры.

Я разбила Зарине костяшки пальцев, рассекла бровь так, что кровь скопилась у нее в глазу. Она моргнула и яростно вытерла глаза, чтобы прояснить зрение, пока я готовилась к следующей атаке... или посмотреть, успокоилась ли она, уняла ли свой гнев.

Сделав очередной выпад, Зарина поскользнулась на крови, которую я успела потерять; теперь ее кровь смешалась с моей.

— Это безумие, Зарина!

Она ответила ревом и еще одним ударом. Ее кинжал застрял в деревянной ножке моего стола. Она вырвала его; щепки и пыль посыпались на окровавленный пол.

Я рискнула и схватила сестру за запястье, остановив новый удар. Стиснув зубы и рыча, она тянула руку изо всех сил, стараясь освободиться. Ее санда-

лии заскользили по полу, когда она попыталась использовать собственный вес в своих интересах.

— Где ты его взяла? Что это за клинок, Зарина?

Она щелкнула зубами, затем поскользнулась в липкой крови и, потеряв равновесие, упала на каменный пол. Я продолжала крепко держать ее, лишая возможности напасть или прижать меня к себе. В это же время я наносила удары деревянной ножкой стола. Сестра закрыла голову и лицо руками, крича, чтобы я остановилась. Ее лоб был в синяках, губа распухла и кровоточила. От следующего удара в грудь красные бусы на ее шее, теперь пропитанные моей кровью, разорвались и рассыпались по полу. Некоторые из бусин упали в кровавые пятна и лужи под нашими ногами.

— Остановись, Ситали. Пожалуйста! — закричала она, тяжело дыша, ее зубы были покрыты кровью. Свободная рука Зарины замерла в воздухе между нами, чтобы блокировать мой следующий удар.

Я приставила тонкую ножку стола к ее горлу.

— Пригрози ему еще раз, и я прикончу тебя. Многие годы я терпела угрозы от отца. От тебя я их терпеть не стану! — взревела я и убрала выбившиеся пряди волос с глаз. — Я никогда больше не буду терпеть подобные угрозы и без колебаний устраню их источник. Это твое первое и единственное предупреждение. С клинком или без, я возьму над тобой верх. Я клянусь... — для пущей убедительности я сжала ее запястье. — Я убью тебя, затащу в дюны и оставлю гнить рядом с ним.

Внезапно Зарина расслабилась. Ее дыхание замедлилось, она выглядела измученной.

— Пожалуйста. Я оставлю тебя в покое. Я уеду из Дома, — поклялась она.

— Мне все равно, что ты делаешь или где живешь. Просто держись подальше от меня и моих близких. Если сейчас я отпущу тебя, а ты снова попытаешься меня убить, я не остановлюсь, когда в следующий раз подниму эту палку. Я вобью тебя в камень, которым устлан этот пол, — пропыхтела я. Моя грудь вздымалась, пока я хватала ртом воздух.

Хотя я этого и не показывала, перед глазами у меня все плыло. Я потеряла много крови. Она продолжала капать на пол у наших ног непрерывно, как фонтан.

Как может рука так сильно кровоточить?

Я отпустила запястье Зарины, тыча пальцем в сторону двери.

— Убирайся, — процедила я сквозь зубы.

Зарина кивнула и, несколько раз поскользнувшись, все же неуверенно встала. Я подняла руку, чтобы посмотреть, насколько сильным был порез, когда почувствовала острый укол в левом боку. Кулак Зарины был прижат к моей коже. Нет... не кулак. Рукоятка ее кинжала была прижата к моему животу. Лезвие вошло так глубоко, как только было возможно. Волна тепла накрыла меня.

Лицо Зарины исказилось от ярости, когда она вонзила лезвие глубже, а затем со злобным ликованием повернула его.

Я слабо оттолкнула старшую сестру, когда горячая слюна наполнила мой рот. Холодный пот выступил у меня на лбу, а колени непроизвольно задрожали.

— Что ты наделала?

Она выдернула кинжал из моего тела, посылая раскаленную добела, жгучую боль по моему животу.

Я не могла шипеть.

Боялась пошевелиться.

Едва могла дышать.

Внезапно из раны хлынула кровь. Поначалу все казалось не так уж плохо. Просто небольшое количество просочилось из образовавшейся раны.

«Должно быть, она ранила меня не так уж глубоко», — подумала я.

Как же я ошибалась.

Мгновение спустя кровь потекла, разливаясь, как река, ведущая на юг от Гелиоса в Люмину. Если раньше я думала, что моя рука сильно кровоточит, это было ничто по сравнению с новой раной.

Темные глаза Зарины теперь были широко раскрыты, в их уголках появились слезы. Ее грудь вздымалась, руки дрожали, кулак разжался, обнажив похожий на стекло кинжал, который с грохотом упал на пол. Она прижала покрытые кровью пальцы ко рту, как будто только сейчас осознала, что сделала. Обсидиан превратился в золото от кончика до рукояти, когда моя кровь пролилась на него. По краю лезвия теперь было начертано имя богини солнца.

— Сол требует твой клинок. Прикоснись к нему, Зарина. Пожалуйста, — процедила я сквозь зубы. — Посмотрим, какое наказание она назначит. Она все... видела.

— Сол здесь нет, — заявила она дрожащим голосом. — Это Дом, а не храм.

— Сол везде, как и Люмос. А за богами солнца и луны наблюдает Скульптор.

Я старалась дышать неглубоко, но ненависть переполняла мою грудь, смешиваясь с неверием и страхом, а самое главное — с агонией. Я была так близка к тому, чтобы покинуть это место и наконец-то пойти к нему, наконец-то быть такой, какой он хотел меня видеть.

Я посмотрела на свою старшую сестру, которая выжидательно следила, наброшусь ли я на нее или упаду в обморок. Несмотря на мой слабеющий голос и тот факт, что каждое слово ощущалось как будто она снова и снова вонзала в меня нож, я пообещала Зарине:

— До моего последнего вздоха, в этой жизни или в будущей, я не успокоюсь... пока ты не умрешь, телом и духом.

Зарина колебалась лишь мгновение. Она не извинилась и не звала на помощь, когда выбежала из комнаты, оставляя за собой липкие малиновые следы, свидетельствующие о ее преступлении.

Я не знала что делать.

Сейчас я мало на что была способна. Мои руки дрожали и казались тяжелыми, как свинцовые гири. Ноги были похожи на тоненькие ножки стола, слишком слабые и хрупкие, чтобы удержать меня.

Холодный пот выступил у меня на лбу и потек по щеке и рукам.

Я упала на колени с миллионом мыслей, пронесшихся в моем рассеянном сознании. Я думала о нем. Думала о том, как выжить. Я не могла покинуть этот мир, не увидев его еще раз. Я не была готова умереть. Не хотела оставлять его.

Нур...

Младшая сестра помогла бы мне, но ее здесь не было.

Безумные, отчаянные мысли проносились в моей голове. Был только один человек, способный услышать меня. Из-за шума снаружи я не была уверена, что даже его обостренные чувства смогут найти меня.

И все же я должна была попытаться.

Я крепче прижала ладонь к ране. Несмотря на все усилия, вокруг моих пальцев пузырилась горячая алая жидкость. Я глубоко вздохнула и выкрикнула его имя так громко, как только могла.

— Берон!

Крик отозвался невыносимой болью в ране.

Перекатившись на бок, я оперлась всем весом на локоть, удерживаясь так долго, как только могла. Затем мой локоть дернулся, соскользнув, и я ударилась виском о каменный пол.

Внезапно он оказался в дверях.

Он услышал меня.

— Ситали? — раздался его взволнованный голос. Я медленно моргнула.

Он присел на колени, обхватив мою голову. Мои волосы теперь были мокрыми и холодными, но руки Берона были горячими и сильными.

Моя воля к жизни иссекала. Я чувствовала, как кровь отступает от моих пальцев и ступней, вытекает из рук и ног, как вода, испаряющаяся из губки.

— Посмотри на меня. Останься со мной, — умолял Берон. — Келум! — прорычал он.

Перед глазами все плыло, я попыталась сосредоточиться на его острых скулах. Я вспомнила обычную ухмылку Берона. Его дразнящий смех. Даже его

разочарованное рычание. То, как он преследовал меня и говорил, что я досадная помеха, избалованная, нелепая, раздражающая его девчонка.

Он ненавидел меня. Но даже несмотря на это, сейчас он был здесь. Он пришел, когда я больше всего в нем нуждалась.

На глаза навернулись слезы. Я не смогла их сдержать, и они соскользнули на пол, падая на кожу Берона и смешиваясь с моей кровью. Я начала дрожать, становясь все холоднее, пока мои пальцы не ооченели, а мороз не распространился дальше — по рукам и ногам.

Я понимала, что не выживу, но мне нужно было сказать Нур... чтобы она защитила мою величайшую тайну, мою слабость. Мою самую большую любовь. Во рту у меня пересохло, как в пустыне. Губы онемели, будто стали чужими. Их покалывало, когда я прошептала:

— Скажи Нур...

Он замер, а затем приблизил свое лицо к моему.

— Я здесь, Ситали. Нур уже в пути.

Одинокaя слеза скатилась по моей щеке. Мы оба знали, что мне уже не помочь.

— Скажи Нур, чтобы она позаботилась о нем, — слабо выдавила я, поморщившись, когда острая боль пронзила рану.

— Ты скажешь ей сама. Келум услышал меня. Нур будет здесь через секунду.

— Скажи ей, чтобы она позаботилась о нем, — пробормотала я невнятно.

Громкое жужжание заполнило мои уши, но боль начала отступать.

— О ком?

Кто-то потряс меня.

— О ком нужно позаботиться, Ситали? Скажи мне.

На ум пришло видение крошечной ручки, обвившейся вокруг моего пальца, темных волосиков и такой мягкой кожи. Идеальные слегка изогнутые губы. Маленькие шаги... он так вырос с тех пор, как я видела его в последний раз.

— Он такой умный, — попыталась сказать я, но слова прозвучали скомканно и нечетко.

Он называет меня Ситли. Не будь судьба так жестока, он называл бы меня мамой.

— Мой сын, — наконец выдавила я. Мой голос звучал отдаленно, тонул в глубоком, темном море, которое с каждым ритмичным всплеском грозило утянуть меня на дно.

Сильные пальцы, поддерживающие мой затылок, застыли.

— У тебя есть сын?

— Берон? — вздохнула я, наконец сосредоточившись на нем. Мы встретились взглядами. — Защищи его.

— Не беспокойся. Я клянусь, что позабочусь о нем. Но и ты должна бороться, чтобы остаться с ним. Кто это сделал, Ситали?

— Зарина...

Мог ли он услышать меня сквозь этот рев?

Мог ли он видеть меня сквозь яркий белый свет, который казался не более чем мерцанием, но все приближался, становясь ярче и ярче? Чувствовал ли Берон жар богини? Ее тепло согревало мою замерзшую кожу.

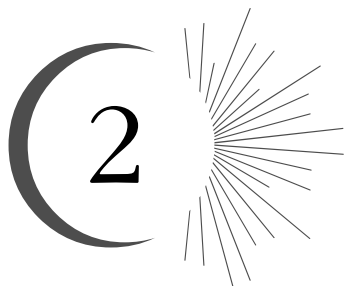
ДОМ ВОЛКОВ

Сол пришла за мной. Моя душа кричала от радости. Я так плохо обращалась с ее дочерью, но все же богиня солнца была здесь.

И вдруг она отступила.

Видел ли Берон, как тьма окутала ее лицо, лишая меня тепла, прежде чем жар скользнул в мои холодное, как лед, вены?

Ужасный вой резонировал в ушах, сотрясая мои кости с такой силой, что дрожал сам песок. Но это не могло погасить огонь, который Сол разожгла во мне.

Я проснулась в незнакомой прохладной комнате в тревожной темноте, задаваясь вопросом, не при-
снилась ли мне ссора с Зариной. Возможно, богиня
так и не пришла, чтобы унести меня в загробный
мир. Или же Сол явилась только для того, чтобы в
конце концов отвергнуть меня. Так вот каково это —
быть неприемлемой для богини солнца и огня?

У меня пересохло во рту. Я приподнялась на лок-
тях, и те утонули в мягком матрасе. Окинув взгля-
дом знакомые каменные стены, мебель из светлого
дерева и почувствовав запах песка, я поняла, что
нахожусь в Доме Солнца. Но это была не моя ком-
ната. Люмос — бог луны — был в Гелиосе. Его блед-
ный, холодный свет проскальзывал с балкона и рас-
текался по полу.

Это означало, что Нур стала новым Атоном. О та-
ком я и не мечтала.

Я прижала руку к тому месту, куда меня ранила
Зарина, и удивилась, не обнаружив повязки. Раны
не было. Не было ни боли, ни каких-либо поврежде-
ний. Я осторожно села, сбросила одеяло и пододви-

нулась так, чтобы свесить ноги с кровати. Я все еще пыталась хотя бы что-то вспомнить. Когда мои ноги коснулись пола, серебристый свет Люмоса со вздохом поцеловал мою кожу.

Я потянула за ткань платья, в которое была одета. Прозрачный наряд был чистым, но не моим. Я не могла вспомнить, как надевала его или как оказалась здесь. Я пощупала затылок, где, как мне снилось, были руки Берона. Где они напряглись, когда он услышал, что у меня есть сын.

В моем сне мои руки, волосы, тело и одежда были пропитаны кровью.

Она текла, как великая река, оросила клинок, которым меня ранили, и сама Сол превратила лезвие в золото.

Покачав головой, я попыталась отогнать этот образ. В конце концов, это всего лишь сон. Сон, который казался таким реальным, что я помнила каждую деталь.

На мне или даже рядом со мной не было крови. Каменный пол под кроватью и за ее пределами был чистым. Если меня перетащили сюда, должен был по крайней мере остаться кровавый след, но мне не удалось обнаружить ни одного темного пятна. Кровь не так легко смыть.

Я вышла на балкон, где серебристый свет мерцал над бурлящей речной водой, а звезды сверкали на каждом дюйме темного неба. Отсюда я не могла видеть храм.

— Ситали? — позвал мужской голос из комнаты.

Я повернулась, когда Киран, жрец, который благоволит моей сестре до того, как она стала Атоном, присоединился ко мне. Бледная занавеска задрожала.

ла на прохладном ночном ветерке, мягко касаясь его ног, пока он осматривал меня оценивающим взглядом.

— Ты хорошо себя чувствуешь?

— А почему должно быть иначе? — прохрипела я. На нем был простой белый килт, грудь с оливковой кожей оставалась обнаженной, но все же не была такой скульптурной, как у Келума или Берона.

Киран протянул ко мне руки.

— Атон Нур сказала, что тебе не следует вставать с постели. — Я зашипела, когда его пальцы приблизились к моему плечу. Киран сглотнул. — Я найду ее и скажу, что ты проснулась.

Мои брови поползли вверх.

— С чего бы Атону беспокоиться о таких вещах?

Его губы приоткрылись. Киран облизал их, изо всех сил пытаясь подобрать правильные слова. Почему он вдруг стал таким доброжелательным? Почему Нур из всех людей попросила именно *его* присмотреть за мной, пока я сплю? И почему она не хотела, чтобы я вставала с постели?

Нежность жреца заставила мое сердце бешено биться.

— Послушай, жрец... — начала я, больше не заботясь о том, кому он служит.

Как раз в этот момент Берон прошел мимо Кирана, и сама ночь, казалось, заколыхалась вокруг него, как жар на горизонте. Она признавала и приветствовала Волка.

— Не мог бы ты, пожалуйста, сообщить Атону, что Ситали проснулась? — попросил он маленького друга Нур, сверкнув доброй улыбкой. Кроткий, безмятежный дурак почтительно склонил голову, а

затем побежал делать, как ему велели. — Спасибо, — добавил Берон, повысив голос так, чтобы он достиг ушей Кирана.

Волк стоял со мной на балконе несколько долгих мгновений. Его волосы были цвета ночи, а кожа — бледно-серебристой, как у самого Люмоса. Когда-то я думала, что он выглядит как типичный люминин, но в этот момент Берон был похож на уроженца Гелиоса, так как Люмос вернулся, чтобы принести успокаивающую, прохладную ночь на нашу землю. Эта мысль привела меня в ярость. Я была уверена, что люминане не считали, что гелиоанцы принадлежат к их драгоценному бледному королевству.

— Как ты себя чувствуешь?

Его грубый тон успокоил меня. Берон был не из тех, кто обращался со мной мягко или пытался мне в чем-то угодить. Он был прямолинеен. Именно так я говорила сама и предпочитала, чтобы говорили со мной другие. Несмотря на то что я возненавидела брата Люмина еще до того, как Нур заняла свое законное место Атона, я знала, — он был честен. Волк не стал бы говорить сладкую ложь вместо горькой правды.

— Растерянно, — призналась я, выпрямив спину и скрещивая руки на груди, чтобы защититься от ночного холода.

— Слабости нет? — спросил он. Его ноги были слегка раздвинуты, как будто он готовился погнаться за мной, если я дам повод. Я знала, что так он и сделает.

«Он только этим и занимался во время моего вынужденного пребывания в Люмине», — подумала я с раздражением.

— Совсем нет. — Вся слабость исчезла, когда мой отец замертво рухнул на вершине храма. — Я была больна? — Это было единственным логичным объяснением. Лихорадка может помутить разум человека настолько, что он не сразу поймет, что реальность, а что вымысел.

— Больна? — переспросил Берон, сдвинув темные брови. — Ты не помнишь, что произошло?

У меня возникали мимолетные воспоминания, но они не имели никакого смысла. Сможет ли Берон объяснить мне? Я решила проверить, насколько далеки мои сновидения от реальности.

— С Зариной? — прохрипела я. Мне нужно срочно попить.

Он кивнул, внимательно наблюдая за мной. Слишком осторожно. Мое сердце внезапно стало большим и неудобным для моей грудной клетки.

— Ты думала, что тебе это приснилось? — тихо спросил Берон.

Я прижала руку к тому месту, где сестра ранила меня, вспоминая острую боль, жизненную силу, просачивающуюся сквозь мои пальцы, иссякающую надежду и чувство полной беспомощности... пока Берон не услышал мой крик и не пришел мне на помощь.

Где же рана, которую нанесла Зарина?

— Как долго я спала?

Должно быть, прошли недели, может быть, месяцы, прежде чем я полностью исцелилась. Я не осматривала кожу, но при прикосновении не почувствовала выступающей полоски шрама на своей плоти. И все же, если я пролежала так долго без сознания, почему я не чувствовала себя такой же слабой, как

новорожденный ягненок? Как я могла вести себя, как будто ничего не случилось? Неужели Сол каким-то образом исцелила меня? Или это сделала Нур?

— Берон? — наредила я.

Его губы приоткрылись, когда он провел рукой по волосам. В этот момент моя младшая сестра вышла в лунный свет.

Ее загорелая рука была переплетена с бледной рукой Келума.

— Киран сказал, что ты проснулась, — сообщила Нур.

— Уверена, Берон послал весточку Келуму еще до того, как Киран скрылся из виду, — процедила я сквозь зубы.

Нур не стала отрицать, вместо этого она кивнула. Келум внимательно наблюдал за мной, как за живительным огнем, когда тот начинает потрескивать и мерцать.

Я не была уверена как, но Берон и Келум могли мысленно разговаривать друг с другом. Келум был Люмином, сосудом самого бога луны, правителя Люмины. Если бы Нур просто избрали следующим Атоном, она и Келум были бы равны. Но ничего, что касалось Нур, не было простым. И тот факт, что она была единственной дочерью живого бога, возвышал ее над всеми другими статусами, даже над статусом Келума.

Я не знала, важно ли это для него. Возможно, он никогда об этом даже не задумывался. Келум был влюблен в Нур, а она в него.

Я изучала их манжеты, олицетворяющие обещание вечной любви. Его прохладная, залитая лун-

ным светом манжета сияла на ее руке, а ее — из огня и золота — горела на руке Келума.

Нур оглядела меня с ног до головы.

— Ситали...

— Я бы хотела поговорить с тобой наедине, — перебила я. Возможно, наш разговор не будет конфиденциальным, но я бы предпочла рассказать все только ей.

Нур отпустила руку Келума, который подождал, пока Берон выйдет с балкона. Я не была уверена, что все это значит. Он ненавидел меня, и это чувство, безусловно, было взаимным.

Хотя, если все, что я помнила, и правда произошло, Берон пришел, когда я позвала его. Он спас меня.

Горькая пилюля, которую пришлось проглотить. Я лучше многих знала, что для ненависти к врагу требуется меньше усилий, чем для того, чтобы простить его.

Нур заглянула в комнату, чтобы убедиться, что мы одни.

— Они ушли. — Она подошла и встала рядом со мной. Я подумала, не нервничает ли она, учитывая нашу последнюю встречу на балконе...

— Если Берону удалось услышать мой крик из храма, сквозь ревущую толпу, он все еще слушает и передает каждое мое слово Келуму. С таким же успехом я могла бы позволить им остаться, — проворчала я.

— Хочешь, чтобы я позвала их обратно? — спросила Нур, и в уголках ее губ заиграла дразнящая улыбка.

— Зарина рассказала, что отец был уверен, будто мы освободили Анубиса. Она сказала, мы одержимы темным богом.

Губы Нур приоткрылись, и на секунду она задумалась.

— Мы бы знали, если бы его освободили.

Она была права. Если бы Анубис присутствовал на земле, все бы знали. Но тогда как объяснить то чувство, находящееся глубоко внутри меня, которое говорило, что он освободился и идет за мной?

— Нур...

Моя сестра ждала, пока я найду нужные слова.

— Мы не освобождали темного бога, но я думаю, что это сделал кто-то другой.

Она склонила голову набок.

— Что заставляет тебя так думать?

— Я чувствую его, — сказала я, прижимая руку к животу, который сжался от беспокойства.

Нур сглотнула.

— Будем надеяться, что ты ошибаешься.

— Я не ошибаюсь, — отрезала я. — Как будто каким-то образом я могу чувствовать его. Я не могла, пока Зарина не...

— Может, ты чувствуешь его, потому что коснулась руки смерти? — спросила младшая сестра.

Я покачала головой.

— Не думаю...

Мы долго молчали. Нур, казалось, обдумывала мое признание и все, что могло из него вытекать. Я знала, что она сомневается в правдивости моих слов, но я не лгала. У меня не было доказательств, только чувство, но оно было таким же сильным, как связь, которую я видела между Нур и Келумом.

— Это ты спасла меня? — спросила я.

Нур открыла рот, но тут же закрыла его. Наконец она ответила:

— Ты не помнишь, что случилось?

— Я знаю, что Зарина пришла в мою комнату. Знаю, что она ударила меня ножом и знаю... Я знаю, что должна была умереть. В последний момент я позвала Берона. Я помню, как он пришел. Тогда-то я и увидела этот ослепительный белый свет. Я думала, это Сол, но это была ты? Ты исцелила меня?

Слезы навернулись на глаза Нур, но она не позволила им пролиться. Навык, который моя сестра безупречно отточила за годы жестокого обращения. Навык, который она все еще использовала.

— У меня не получилось, — наконец призналась она. — Так что вместо того чтобы позволить тебе умереть, Берон сделал это.

Я склонила голову набок.

— Волк может исцелять? Хочешь сказать, он хорош в чем-то еще, кроме как выслеживать женщин, которые тайком выходят из своих комнат?

Нур не улыбнулась. Ее сдержанность заставила мое сердце забиться быстрее. Почему она так напряжена?

— Ситали, ты помнишь, как именно Берон спас тебя? — осторожно спросила она, наблюдая за моей реакцией.

— Не совсем, но, как бы то ни было, я рада, что он это сделал.

— Возможно, ты недолго будешь так думать, — намекнула она.

Я замерла.

— Почему?

Нур посмотрела на каменный пол, затем на небо, где над нами сияло яркое лицо Люмоса.

— Бог луны поговорил с Бероном и позволил ему исцелить тебя, но единственный способ сделать это — укусить. — Она помолчала, встретившись со мной взглядом. — Укус Волка сделает тебя такой, как он.

Я моргнула, обдумывая то, что только что сказала моя младшая сестра.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что я стану такой, как он?

Мое дыхание участилось и стало прерывистым. Кровь в венах нагрелась.

Глаза Нур из карих превратились в сверкающие золотом. Она протянула руки, чтобы успокоить меня.

— Ситали, не теряй контроль над своими эмоциями. Это может заставить тебя измениться.

— Измениться? — Я попыталась выровнять дыхание и замедлить сердцебиение, чтобы сохранить над собой контроль, как и сказала Нур. — Ты должно быть шутишь. Хочешь сказать, я превращусь в чудовище?

— Берон не чудовище, — резко напомнила она. — Он спас тебе жизнь, когда было бы гораздо проще позволить тебе умереть.

«Возможно, ему следовало это сделать», — с горечью подумала я.

Что теперь будет с моим сыном? Опасна ли я для него? Неужели я так и проживу остаток своей жизни вдали от моего малыша?

Нур облокотилась на перила и искоса взглянула на меня.

— Ты же не собираешься сбросить меня отсюда, правда?

Она все же вспомнила позорные страницы моей истории.

— Звучит заманчиво, — попыталась пошутить я. — Но думаю, с меня хватит подобных волнений... Подожди-ка, сколько времени прошло с тех пор, как Зарина ударила меня ножом?

— Несколько часов.

От удивления мой рот открылся, а ресницы затрепетали.

— Часов?

Нур кивнула.

— Я вымыла твою кожу и волосы, сменила платье. После чего Берон отнес тебя в одну из свободных комнат, чтобы ты могла отдохнуть. Он остался дежурить возле твоей двери на случай, если ты неожиданно превратишься, но настоял, чтобы Киран зашел внутрь. Берон хотел, чтобы жрец Сол был рядом на случай, если тебе понадобится помощь, когда ты проснешься.

Мои глаза расширились.

— Он точно знал момент, когда я проснулась...

Нур кивнула.

— Берон послал Кирана, потому что не хотел тебя пугать. Он не был уверен, вспомнишь ли ты хотя бы что-нибудь.

Я прикусила губу, гадая, в какое именно место Волк укусил меня. Как глубоко ему пришлось вонзить клыки в мою плоть, чтобы произошло это чудесное исцеление?

— Ситали... — тихо произнесла Нур мое имя. — У тебя есть сын?

Да, у меня был сын. Мой величайший секрет и самое большое достижение, которое мне было запрещено раскрывать. Я прочистила пересохшее горло.

— Помнишь, когда я была заперта в своих комнатах несколько месяцев?..

Тяжелое молчание воцарилось между нами. Моменты прошлого, которые теперь встали на места и обрели смысл, хотя раньше совсем не подходили друг другу.

— Нам сказали, что ты больна, — тихо призналась Нур.

Я покачала головой. Тяжесть свалилась с моих плеч после того, как я рассказала свой самый сокровенный секрет. Что-то во мне кричало, что это нормально — доверять Нур. Когда я истекала кровью на полу своей спальни, я знала, — если попрошу позаботиться о моем сыне, вырастить его и защитить, она сделает это.

— Ему два года, — сообщила я. — Он живет с родителями своего отца.

Нур смотрела на текущую мимо реку, будто мои слова ее совсем не удивляли.

— Где его отец?

— Мертв.

— Любезность нашего отца? — спросила она, хотя уже знала ответ.

— Да. Отец приказал убить его.

Нур повернулась ко мне лицом.

— Кем он был?

— Охранником. — Разочарование отразилось на ее лице. — Я любила его, — сказала я, защищаясь. — Мы любили друг друга. Я не сплю с каждым охранником подряд, хотя знаю, именно так ты и

думаешь. Это можно прочесть на твоём лице, когда ты видишь меня с ними. Те, с кем я регулярно общаюсь, были знакомы с Мериком и уважали его. Самые близкие ему люди знают о нашем сыне, потому что он рассказал им об этом перед смертью. Он был так рад стать отцом. Друзья Мерики присматривают за нашим ребенком. Они поклялись защищать его. Даже наперекор воле отца, даже ценой собственной жизни они поклялись уберечь его от зла.

— Я помню Мерику, — сказала Нур, разглядывая собственные ногти. — Он был добр.

Я вздохнула. Он был добрее любого другого мужчины, которого я встречала. И он был веселым. Его улыбка могла растопить золото быстрее, чем горячие руки Нур.

Еще несколько кусочков головоломки, в которую превратилась наша жизнь, встали на свои места.

— Я бы хотела, чтобы все было по-другому, — сказала она.

Я желала того же. Я хотела, чтобы наш отец не убивал мужчину, которого я любила. Я хотела, чтобы он не прогонял моего сына и не угрожал им, чтобы манипулировать мной. Я хотела изменить так много вещей, но не могла. Так что не было смысла сокрушаться по этому поводу. Не в наших силах было изменить прошлое, но будущее менялось каждую секунду; каждое решение меняло песчаную дорожку под нашими ногами.

Нур посмотрела на Люмоса.

— Отец использовал сына против тебя, верно?

Я едва заметно кивнула, но Нур уловила мое движение.

— Так вот почему ты пыталась убить меня?

Это было трудно признать. Я не гордилась своим прошлым. Стыд залил мое лицо, нагревая его до тех пор, пока мне не стало жарко.

— Он сказал, что убьет моего сына, если я не расправлюсь с тобой в Люмине. Он не хотел, чтобы ты вернулась в Гелиос. Теперь я знаю почему.

— А я теперь знаю, почему подниматься вместе со мной по ступеням на вершину храма было самым трудным, что ты когда-либо делала.

Нур уже простила меня. Сочувствие сияло на ее лице яркими солнечными лучами. Но я не была уверена, смогу ли простить себя сама, да и хотела ли я этого вообще. Я не заслуживала прощения, потому что к концу дня часть меня сожалела, что не выполнила приказ отца. Не потому, что я желала Нур смерти. Ничего подобного.

Я ненавидела себя за то, что была недостаточно сильна, чтобы сделать это ради своего сына. Я никогда не могла защитить сына от своего жестокого отца. Я знала, что, поднявшись на вершину храма с Нур и столкнувшись лицом к лицу с отцом, я навлекла проклятие на собственного ребенка. Взгляд, который отец бросил на меня, был многообещающим. Он готов был сдержать свое слово, потому что я не сдержала своего.

Я потерпела неудачу. Он же предпочитал никогда не проигрывать.

Он забрал бы единственную радость в моей жизни, раздавил бы ее.

Я закрыла глаза, желая, чтобы рев в ушах прекратился.

Нежная рука опустилась на мое плечо.